

ПРАЗДНИЧНО и деловито проходил фестиваль театров юного зрителя в Таллине. Днем — показы, дискуссии с участием зарубежных гостей из Болгарии, ГДР, Италии, Франции, Югославии. Вечерами — спектакли детских и молодежных театров Риги, Вильяуса. Минска, Таллина.

Этот второй фестиваль тюзов, организованный по инициативе кабинета театров для детей ВТО и Советского центра Международной ассоциации театров для детей и молодежи (в прошлом году в Баку собирались тюзы Закавказья). По тому, как увлеченно общались, спорили не только руководители театров — они видятся чаще, но и актеры — легко понять, насколько необходимы подобные встречи.

Заключительная конференция была посвящена теме «Проблемы современной режиссуры в молодежных театрах». Тема эта возникла не случайно: в тюзы приходят молодые режиссеры — дерзкие, ищущие, но подчас недостаточно глубоко осознающие художественно-педагогическую миссию театра для детей, его специфику. В чем сущность современного режиссерского решения спектакля? Как отражаются поиски острой сценической формы на актерском исполнении? Какие требования предъявляет к режиссуре детский театр? Отвечать на эти вопросы надо творчески, спектаклями, всей жизнью театра.

Театры Прибалтики в большинстве своем молоды, стремятся идти непроторенными путями в поисках репертуара, режиссуры, актерского исполнения.

Большой интерес вызвали спектакли Рижского тюза «Город на заре» А. Арбузова (русская труппа) и «Последние» М. Горького (латышская труппа), поставленные А. Шапиро. В поэтическое вступлении к спектаклю «Город на заре» — строки Блока и мощное пение «Интернационала».

В спектакле присутствует пафос героини подвига. Здесь и революционные песни тех лет, и шутивно звучащие «Амурские волны», и чей-то тоскливый, одинокий напев. Все сплелось воедино: лирика, любовь. Спектакль выстроен смело, с неудержимой режиссерской фантазией, на контрастирующей смене ритмов и состояний. Своеобразная сценическая конструкция М. Китаева дает возможность создавать эффектные мизансцены.

Но наступает минута, когда ощущаешь — утеряна грань, обилие режиссерской выдумки уже не помогает, а мешает исполнителю. Недооценка актера — явление, присущее многим молодым режиссерам. И, может быть, поэтому в спектакле мало настоящих больших актерских удач.

В Эстонском тюзе у Вольдемара Пансо в «Весне» О. Лутса также есть присущие только ему сценические видения и открытия. Он сразу предлагает свои «условия игры»: в ролях подростков мы видим взрослых актеров, которые не чувствуют себя неудобно в мальчишеских костюмах. Для них важно внутренне ощутить и донести до зрителя сложный, неповторимый мир детства. И когда эти «условия игры» принимаются, то невольно подпадаешь под обаяние режиссерской фантазии и актерской непосредственности. Пансо говорит с юным зрителем как равный, как друг, озорничая, веселя, шутя. В спектакле причудливо сочетаются гротеск, ирония, лиризм, поэзия. Задорно, озорно летят «снежки» в зрительный зал, ребята бегают по сцене, как по льду катка, поет шарманщик. И через все это — смешное, наивное, трогательное —

проступает огромная, щедрая по краскам картина детства, человеческой весны, когда созревает характер, пробуждаются думы о добре и зле, о жизни и людях, когда за бесконечными проделками и проказами начинается угадываться будущее этих мальчишек.

Литовский молодежный театр (так здесь называют тюз) работает трудно, не имея своего помещения. Коллектив молод, полон сил и надежд. Здесь идут спектакли самых различных жанров, создан ансамбль пантомимы, исполняются старинные народные многоголосные песни. Возглавляет театр творчески неутомимый Витаутас Чибирас. Он поставил «Проделки Скапена» как народное площадное зрелище с вокальными интермедиями, шутивы-

ко определяют общую направленность постановки. В Прибалтике не любят, стыдятся слова тюз, детские театры называют себя «молодежными», в их репертуаре меньше всего пьес для детей, особенно для подростков, а это, как известно, основной возраст для любого театра юного зрителя.

И еще одно немаловажное обстоятельство: государство отпускает этим театрам значительную дотацию. А что идет на сцене тюзов? В Риге — «Матушка Куража», «С вечера до полудня», в Вильяусе — «Стекланный зверинец», «Огняши во гневе», «Дракон», в Таллине — «Дикая утка», «Милый лжец», «Антигона».

Можно не возражать против отдельных пьес, если они совпадают с творческими чаяниями режиссуры и актеров. Но ведь их большинство в репертуаре. Как правило, спектаклям для молодежи и взрослых отдаются и вдохновение, и мастерство, и подлинная увлеченность. На фестивале не были показаны спектакли о советских школьниках, о наших современных ребятах, сверстниках юных зрителей. Таких спектаклей нет в тюзах Прибалтики. Ни одного.

Подобное положение возводит в принцип, «обосновывается» теоретически и практически. На заключительной конференции А. Шапиро говорил о своем неприятии театра детства: его волнуют проблемы «девятнадцатилетних». Часто ссылаются на особые условия национальных республик, на отсутствие юных зрителей. Но вот несколько цифр. В 1969 году в Рижском тюзе — 6 постановок для детей прошли 202 раза, их посмотрели 102.919 зрителей, а все остальные 19 постановок — всего лишь 187 раз для 74.802 зрителей. Пять лет подряд юные рижане смотрят «Красных дьяволят», отнюдь не из-за высоких художественных достоинств постановки: просто другого нет.

В Эстонском тюзе только три детских спектакля — «Весна», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Летающие тарелки» — выдержали 113 представлений и собрали 60 тысяч зрителей — больше, чем все остальные постановки вместе взятые. Потребность в детских спектаклях огромна. Как не согласиться со словами Б. Ганаги: «Не слишком ли мы легко изменяем детям?»

Репертуар, режиссерское решение спектаклей для детей и подростков — проблемы отнюдь не местные, присущие только театрам Прибалтики. Как ни парадоксально, но с приходом молодой режиссуры произошло резкое «возросление» репертуара тюзов, где даже ставятся и «Варшавская мелодия», и «Пять вечеров». Это приводит к отходу от педагогических, воспитательных задач театрального творчества для детей.

Детский театр (как бы он ни назывался) существует для юных зрителей — неужели это нужно доказывать после полувекowego пути, пройденного тюзам страны?

Много жгучих, волнующих проблем было поднято, творчески обсуждено на минувшем фестивале. Эти встречи не пройдут бесследно, заставят задуматься над завтрашним днем детского театра.

«Жить с открытыми глазами и открытым сердцем» — призвала М. Кнебель, завершая конференцию. Я бы добавил — и с любовью к детям, которым мы отдаем наше искусство и нашу жизнь.

ТАЛЛИН.

С ЛЮБОВЬЮ К ДЕТАМ

Н. ПУТИНЦЕВ,
заслуженный работник
культуры РСФСР

ми тирадами, импровизацией. Актеры чудесно поют, пластичны, легко действуют в стремительном ритме сценического действия. Но... суматоха событий, розыгрыша, бесконечные потасовки постепенно начинают утомлять, за гротесковыми буффонными масками не просвечивает сердцевина живых чувств и характеров. Не об этом ли в свое время предостерегал К. С. Станиславский: «Настоящий гротеск — это внешнее, наиболее яркое, смелое оправдание огромного, всеисчерпывающего до преувеличенности внутреннего содержания».

В Белорусском тюзе тоже много молодежи, молот и главный режиссер Б. Ганага. Театр показал на смотре один из своих любимых сказочных спектаклей — «Чудесную дудку» В. Вольского (постановка и художественное оформление А. Григорьянца). В спектакле есть подлинная детскость, народность. Интересны исполнители основных ролей: В. Турмович—Янка, В. Лебедев — Король. Однако порой кажется, что спектакль недостаточно раздвигает рамки художественного восприятия юного зрителя, не несет радости творческих открытий.

Итак, современная молодая режиссура ищет, ошибается, побеждает. Результатам этих поисков в иных случаях могут позавидовать и прославленные «взрослые» театры. Но всегда ли они находятся в русле педагогических принципов искусства для детей? На прошлогоднем фестивале в Баку «ошеломил» спектакль Грузинского тюза «Красная шапочка», где Волк и Лиса извивались в ультрасовременных танцах. В рижских «Последних» Вера, возвращаясь в родной дом от Якорева, срывает с себя ненавистную, оскверненную одежду, и на какое-то мгновение остается совершенно обнаженной. В «Весне» как «безобидная» шалость воспринимается сцена, когда подростки напиваются до пьяна. А так ли это безобидно в жизни, и, наверное, совсем не смешно? В конце концов дело не в этих эпизодах — их легко снять, переделать. Но подобные эпизоды неред-